

Ань Чанъюй опустил голову, в уголках его губ затаилась усмешка. Ли Хайюнь же, напротив, выглядел обеспокоенным и поспешно заступался:

— Не то чтобы близки, просто... просто... — он не мог сходу подобрать нужных слов и запнулся.

— Просто что? — глядя на то, как тот отчаянно пытается оправдаться, Сяо Чжигэ помрачнел еще сильнее, и в его голосе послышался скрытый гнев: — Почему же господин Ли не договаривает?

— Просто обычные друзья, вот и всё. Князь, пожалуйста, не поймите неправильно, — Ли Хайюнь отвел взгляд, не смея посмотреть на Ань Чанцина. Его кузен Чанцин теперь стал Бэйчжань-ванфэй, и раз у него самого нет сил защитить его, он не должен из-за собственных чувств втягивать его в неприятности.

Ань Чанцин, который до этого момента не вмешивался в разговор, смутно почувствовал, что что-то здесь не так. Он слегка нахмурился и удивленно пояснил:

— Кузен Хайюнь какое-то время гостил в резиденции канцлера, вот мы и познакомились.

Сяо Чжигэ бросил на него быстрый взгляд, но на лице Ань Чанцина не было и тени фальши. Выражение его лица оставалось абсолютно невинным: казалось, он даже не понял, почему Ли Хайюнь так отчаянно пытался откrestиться от связи с ним. Не было заметно и ни малейшего следа печали или ностальгии при встрече со старой любовью. Сяо Чжигэ не мог понять, то ли Ань Чанцин так искусно притворяется, то ли ему действительно уже нет дела до этого кузена.

Переведя взгляд на Ли Хайюня, Сяо Чжигэ ощутил лишь еще большее отвращение. Слегка прищурившись, он взмахнул рукой:

— Раз вы засвидетельствовали свое почтение, то, если у вас нет других дел, можете быть свободны.

— Тогда мы не будем мешать отдыху князя и Ванфэй, — заметив, что их безапелляционно выставляют, Ань Чанъюй слегка изменился в лице, но все же почтительно сложил руки в приветствии и отступил. Ли Хайюнь же поднял глаза на Ань Чанцина, словно хотел что-то сказать, но не решился.

Все внимание Ань Чанцина было устремлено на Сяо Чжигэ, поэтому он даже не заметил этого взгляда.

Когда они оба вышли, Ань Чанцин с удивлением спросил:

— Князь, что с вами?

Казалось, у него еще с самого начала испортилось настроение.

Видя, что юноша все еще проявляет о нем заботу, Сяо Чжигэ почувствовал сложную бурю чувств. Ему хотелось расспросить его об отношениях с Ли Хайюнем, но он боялся услышать ответ, который его не устроит. Проведя долгие годы в кровавых сражениях на поле боя, он ни разу не чувствовал себя таким трусом, прячущим голову в песок, как сейчас.

Плотно сжав губы, Сяо Чжигэ сдержанно ответил:

— Ничего.

Ань Чанцин посмотрел на него в профиль. Ему казалось, что тот говорит неправду. За время совместной жизни он уже успел прекрасно изучить характер Сяо Чжигэ. Этот человек был молчуном: даже если он злился, то никогда не говорил об этом вслух, а предпочитал держать все в себе.

Подумав, Ань Чанцин решил, что сейчас не самое подходящее место для расспросов, и решил поговорить позже, когда они вернутся.

Тем временем Ли Хайюнь, вернувшись вслед за Ань Чанъюем в павильон Нунсюэ, ходил сам не свой. Спустя столько лет Ань Чанцин стал еще прекраснее и статнее, чем прежде — от него просто невозможно было оторвать глаз.

Он до сих пор помнил их первую встречу, когда Ань Чанцин был еще не повзрослевшим юношей. Изящные черты лица казались сошедшими с картины, а характер у него был невероятно кротким и застенчивым. При первой встрече он вежливо назвал его «кузен Хайюнь».

Ли Хайюнь мгновенно влюбился с первого взгляда. Он часто приглашал его кататься на лодке по озеру и любоваться пейзажами, дарил бесчисленное множество любовных стихов. И хотя Ань Чанцин из застенчивости никогда не отвечал прямо, искренность в его глазах нельзя было подделать. Если бы не потом... если бы семья без его согласия не устроила его помолвку, кузен Чанцин, наверное, не отверг бы его так решительно — не вернул бы подаренный нефритовый подвес и не пожелал бы ему с невестой согласия и гармонии в браке...

— Судьба свела, да не судила быть вместе...

Ли Хайюнь тяжело вздохнул и пригубил вина, чтобы заглушить подступавшую к горлу горечь.

Сидевшая рядом Ань Сянья не расслышала и любопытно подалась вперед:

— Кузен Хайюнь, что вы сказали?

Ли Хайюнь ничего ей не ответил, продолжая глушить тоску вином. Ань Чанъюй строго посмотрел на сестру, и Ань Сянья недовольно отступила на свое место, не смея больше проронить ни слова.

— Кузен собирается вот так просто сдаться? — Ань Чанъюй налил ему еще вина.

— А что мне еще остается? — Ли Хайюнь вздохнул и удрученно сказал: — Ведь это я первый виноват перед ним. Сейчас Бэй... к нему вроде бы относятся неплохо, я не могу снова навредить ему. К тому же сегодня... он даже не взглянул на меня, явно затаив обиду...

Ань Чанъюй слегка искривил губы в ухмылке и продолжил:

— А может, на людях он просто не смеет показать свои чувства? — Он понизил голос и шепнул: — Я слышал, этот Бэйчжань-ван в постели невероятно жесток и любит истязать людей...

Ли Хайюнь побледнел, пролив немного вина из кубка:

— Как...

— Даже если кузен действительно хочет сдаться, стоит сперва обо всем объясниться. Пусть

тогда под давлением родителей тебе и пришлось вернуться в округ Чанъян, но в итоге ты ведь отказался от помолвки. А значит, не так уж ты перед ним и виноват... Разве не так?

Слова Ань Чанъюя поколебали решимость Ли Хайюня, его лицо выражало все большее сомнение.

Ань Чанъюй подлил масла в огонь:

— Вообще-то у меня был способ устроить твою встречу с третьим братом, но раз ты не хочешь... тогда забыли...

— Я хочу!.. — поспешно ответил Ли Хайюнь. На его лице уже проступал хмель, и он сбивчиво пробормотал: — Я должен спросить его обо всем лично. Если ему живется плохо... я... я ценой жизни вырву его оттуда!

— Отлично... — В глазах Ань Чанъюя блеснул зловещий огонек, и он мягко произнес: — Кузен, не волнуйся, я вам помогу...

Прежде чем внизу догорела ароматическая палочка высотой в человеческий рост, Чжоу Хэлань и Ань Сяньюй, объединив усилия, разгадали сто двадцать пять загадок.

С последним ударом гонга красный фонарь поместья Бэйчжань-вана водрузили на самую вершину.

В павильоне Сунтао все сияли от радости. Ань Чанцин погладил Ань Сяньюй по голове и с улыбкой похвалил:

— Юй-эр и впрямь умница.

Щеки Ань Сяньюй слегка порозовели, но в ее поведении больше не было прежней робости и страха. Глаза девушки ярко блестели:

— Брат и господин Чжоу тоже приложили немало усилий.

Чжоу Хэлань украдкой бросил на нее взгляд, слегка откашлялся и поспешно запротестовал:

— Начитанности барышни можно только покровительствовать. Уверен, вы справились бы и без меня.

— Перестаньте скромничать, — улыбнулся Ань Чанцин, глядя, как они уступают друг другу. — Заслуга общая. Получим награду — и разделим поровну.

Едва он произнес эти слова, как слуга привел распорядителя Праздника фонарей. Держа в руках две деревянные шкатулки, распорядитель почтительно поклонился:

— Победитель Праздника фонарей может получить в награду сто лянов золота или подлинник работы господина Даньмо. Позвольте узнать, что выберут благородные господа?

Ань Чанцин ничего не смыслил в даньцин и мастерах живописи, поэтому посмотрел на Ань Сяньюй и Чжоу Хэланя. Но тут Чжоу Хэлань заговорил первым:

— Среди загадок было несколько вопросов, связанных с господином Даньмо, и барышня с

легкостью ответила на все. Неужели вам тоже по душе творчество господина Даньмо?

Ань Сяньюй кивнула. Картины господина Даньмо пользовались огромным успехом в Да Е, и она была от них в восторге. Однако, помня, что победа досталась не ей одной, к тому же Чжоу Хэлань жил не то чтобы богато и, скорее всего, нуждался в деньгах, она не стала высказывать своих эгоистичных пожеланий, а сказала:

— Первое место мы завоевали втроем, а картину на части не разделишь. Может, выберем более банальный вариант — сто лянов золота?

Ань Чанцин сразу все понял: сестре действительно нравилась картина, просто она, как всегда заботливая, не хотела ставить Чжоу Хэланя в неловкое положение, вот и предложила золото.

Он уже собирался вмешаться, но Чжоу Хэлань опередил его:

— Вот так совпадение! Хэлань тоже восхищается господином Даньмо. Подлинник его работы на рынке стоит не меньше сотни лянов золота. Если ванфэй и барышня не против, не могли бы мы выбрать картину? Подлинник пусть останется у барышни, а Хэлань лишь попросит разрешения одолжить ее, чтобы сделать копию.

Ань Сяньюй предложила золото только для того, чтобы не стеснять его, и никак не ожидала, что он тоже мечтает о картине. Она с легким вопросом взглянула на брата:

— Брат?

Ань Чанцин, не усложняя, ответил:

— Раз вам обоим нравится, берем картину. Но Хэлань не должен оставаться в убытке. Когда вернемся в поместье, я выдам тебе отдельное вознаграждение.

Чжоу Хэлань поспешил выразить благодарность и низко поклонился Ань Сяньюй, которая бережно держала свиток, не в силах оторвать от него глаз:

— Через пару дней покорнейше прошу барышню одолжить мне свиток.

Ань Сяньюй с улыбкой согласилась, не отводя взгляда от картины. Лишь Сяо Чжигэ бесстрастно посмотрел на Чжоу Хэланя и слегка нахмурился, впрочем, ничего не сказав.

Когда состязание закончилось, началось любование фонарями. Насидевшись наверху, Ань Чанцин предложил спуститься. Госпожа Юй и матушка Чжоу, увидев толпу внизу, не захотели толкаться и остались в павильоне. Так Ань Чанцин и Сяо Чжигэ вместе с Ань Сяньюй отправились смотреть на фонари.

Внизу царила оживленная суета. Ань Сяньюй нравились девичьи безделушки, и она с интересом рассматривала товары на лотках. Ань Чанцин огляделся по сторонам, словно вспомнив о чем-то, и сказал сестре:

— Мы с князем отойдем ненадолго вон туда. Те Ху и Хэлань присмотрят за тобой. Встретимся в павильоне Сунтао до часа Сяй.

Ань Сяньюй послушно кивнула. Ань Чанцин велел служанкам хорошо заботиться о ней и только после этого потянул Сяо Чжигэ за собой.

Сяо Чжигэ нахмурился, не понимая:

— Куда мы?

<http://bllate.org/book/18381/1767671>